

Институты прямой демократии в процессе учреждения основного закона: достоинства формы сквозь призму недостатков на практике

А.Н. Пугачев
кандидат юридических
наук, доцент,
заведующий кафедрой
теории и истории
государства и права,
Полоцкий
государственный
университет,
Республика Беларусь

Референдум розглядається як один із способів ухвалення конституції. Показано практику його використання в історії держав і країнознавчому аспекті. Вивчається феномен плебісцитарної демократії та бонапартизму в сучасних умовах. Проводиться думка про те, що абсолютизація інститутів прямого народовладдя є неприпустимою за рахунок витіснення парламентських установ та інших представницьких форм демократії. Обґрунтовується необхідність участі органів конституційної юстиції в проведенні референдумів з прийняття основного закону.

Ключові слова: конституція, референдум, плебісцит, плебісцитарна демократія, опитування народу, конституційний контроль, парламент, легітимізація, електорат.

Референдум рассматривается как один из способов учреждения конституции. Показана практика его использования в истории государств и страноведческом аспекте. Изучается феномен плебисцитарной демократии и бонапартизма в современных условиях. Проводится мысль о том, что абсолютизация институтов прямого народовластия недопустима за счет вытеснения парламентских учреждений и иных представительных форм демократии. Обосновывается необходимость участия органов конституционной юстиции в проведении референдумов по принятию основного закона.

Ключевые слова: конституция, референдум, плебисцит, плебисцитарная демократия, опрос народа, конституционный контроль, парламент, легитимизация, электорат.

The referendum is considered as one of the ways of Constitution establishment of the constitution. Practice of its use in the history of the states and regional geographic aspect is shown. It is suggested that the abuse of the direct democracy institutions are unacceptable due to the displacement of the parliamentary institutions and other forms of representative democracy. The necessity of participation of constitutional justice bodies in holding of the referendum on the adoption of the basic law is substantiated.

Keywords: constitution, referendum, plebiscite, people poll, constitutional control, parliament, legitimization, the electorate.

Постановка проблеми

Референдуми і плебісцити издавна вважаються найбільш демократичними способами прийняття рішень по важливим суспільним і державним питанням. Епоха конституціоналізму органічно сприйняла цей інститут неопосередкованої демократії як юридичний механізм утворення основного закону. Однак гіпертрофоване

всприйняття ідеї народовладдя породило на практиці такі явища як плебісцитарна демократія і бонапартизм, що призводять до викривлення принципів правового конституційного державства. При всіх своїх плюсах референдуми і плебісцити при певних умовах можуть являти зворотню сторону демократичних ідеалів, позначати відхід від конституційної практики. Тому використання рефе-

рендума для легализации и легитимации основного закона должно иметь достаточные основания и соответствовать иным демократическим процедурам. Важной представляется роль конституционного правосудия и необходимость сотрудничества с парламентом в процессе принятия конституции. Это особенно важно для стран с неустойчивыми демократическими традициями.

Анализ последних исследований и публикаций

Разработка проблемы осуществлялась с учетом новейших исследований в сфере конституционного права и политической науки. К их числу следует отнести работы В.В. Маклакова, Б.С. Эбзеева, А.Н. Медушевского, Г.Дж. Бермана, Х.Г. фон Крокова, В.Е. Чиркина, С.А. Авакьяна, Г.П. Шнайдера, Н.В. Витрука, В.А. Виноградова, С.Э. Несмеяновой, М.Ф. Чудакова.

Не решенные ранее части общей проблемы

Развитие идей демократии и реализация их на практике приводит к совершенно разным результатам в различные исторические эпохи применительно к каждому народу. Появление конституций обострило проблему выбора способа их учреждения. Октроирование и ведущая роль представительных учреждений (парламентов и учредительных собраний) отходят на второй план, а решающее значение обретают институты прямой демократии – референдумы и плебисциты, наиболее полно соответствующие воплощению идеи народовластия. Однако популистское и политически ангажированное использование этих форм зачастую приводит к извращению модели правового конституционного государства, утверждению недемократических режимов. Поэтому столь важно в процессе учреждения основного закона разумное сочетание институтов прямой демократии с развитыми парламентскими формами и независимой конституционной юстицией в условиях зрелого гражданского общества.

Формулирование целей статьи

Цель публикации – обратить внимание не только на очевидные достоинства принятия конституций через референдумы и плебисциты, но и указать, по каким причинам эти демократические формы могут перерождаться в свои противоположности, легитимируя и консервируя популистские, авторитарные и даже тоталитарные режимы.

Изложение основного материала исследования

Принято считать, что наиболее демократичным способом принятия конституции является референдум. Термин происходит от латинского «*Referendum*» – «то, что должно быть сообщено» [1, с. 564]. В самом широком смысле он означает голосование избирателей, посредством которого принимается решение, имеющее большое значение для государства либо самоуправляющейся единицы (города, коммуны, кантона, штата, земли). Голосование избирателей может называться ещё и плебисцитом (от лат. «*Plebiscitum*» – «решение народа»). С юридической точки зрения принципиальных различий между референдумом и плебисцитом не существует, однако В.В. Маклаков [2, с. 385] уточняет, что плебисцитом называют референдум по вопросам, имеющим для страны или региона, как принято говорить, судьбоносный характер (о территории, форме правления, вхождении в иное образование, о доверии лидеру страны и т.п.). Например, Бразильская Конституция среди способов осуществления народного суверенитета называет и референдум, и плебисцит, однако предмет плебисцита определён, а референдума – нет. Следовательно, разница в данном случае всё же существует. В Беларуси предусмотрен только институт референдума.

Он имеет глубокие корни. Берет свое начало с плебисцитов Древнего Рима, и сюда же (с определенной натяжкой) можно отнести вечевые собрания Полоцка, Витебска, Новгорода, Пскова. Считается, что впервые референдум был проведён в 1439 г. в Кантоне Берг (Швейцария) для

обсуждения финансового состояния страны. С тех пор этот инструмент непосредственной демократии получил широкое распространение. Но не везде. Например, в США не было проведено ни одного общенационального референдума, да и законодательство о референдумах как таковое отсутствует. Лишь в отдельных штатах проводились референдумы, но характер их был в основном совещательный, а не обязательный. Исключения составляют референдумы, касающиеся пересмотра конституции: насколько известно, лишь штат Делавэр (Delaware) допускает частичный ее пересмотр без обращения к избирателям. Ещё дореволюционный юрист С.А. Котляревский [3, с. 85] обратил внимание, что из 13 штатов, вошедших первоначально в союз, конституция подверглась референдуму лишь в Массачусетсе и Нью-Гемпшире. Во многом это связано с тем, что, по мнению американцев, в данном случае происходит подмена представительных органов, а значит, с них снимается ответственность за принимаемые решения.

В настоящее время в мире сложилась несколько парадоксальная ситуация, поскольку референдумы проводятся либо в странах с устойчивыми и развитыми демократическими традициями (Швейцария, Италия, Польша, Франция), либо в странах, где процветает так называемая плебисцитарная демократия, о чём следует сказать подробно.

Модель власти, которая давала бы возможность совмещать демократическую легитимность и достаточно авторитарный стиль управления, как раз и усматривается в плебисцитарной демократии. По мнению А.Н. Медушевского [4, с. 304], такой режим допускает совмещение демократической легитимности системы и существование сильного национального лидера – президента, претендующего выражать волю народа через голову парламента и политических партий (именно в этом видели его отличительные признаки Макс Вебер и Мишель Дебре). Основным способом обеспечения подобного харизматического статуса президента станови-

лись плебисциты или их эквивалент в виде референдумов (напомним, теория легитимации главы государства разрабатывалась французскими учёными Карре де Мальбергом и Рене Капитаном). Именно через референдумы и плебисциты правители «продавливали» свои варианты конституций. Страноведческая география широка: Португалия, Аргентина, Чили, Франция, Россия, Беларусь, Казахстан, Туркменистан.

Об опасности подмены народовластия политическим и социальным популизмом предостерегает Б. С. Эбзеев: «Доминирующая роль популизма приводит к тому, что воля народа предстает как основа всех политических и социальных дискуссий, а сам народ выступает в этом случае не в качестве государственно организованной силы, обладающей соответствующими юридически определенными правами, устанавливающими конституционные пределы его суверенитета, а в качестве толпы, право которой заключается только в ее силе» [5, с. 305]. Отсюда понятно такое нагнетание недоверия к идее парламентаризма в большинстве постсоветских республик, ключевым институтам гражданского общества.

Режим плебисцитарной демократии (пожалуй, здесь уместны кавычки), историческим прототипом которого считается бонапартизм, получил более или менее либеральную трактовку в разных странах (от авторитарных режимов стран Южной Европы до голлизма и перонизма), «однако везде этот режим имел сходные исторические функции, позволяя осуществить демократическую легитимацию авторитарной модернизации» [4, с. 304]. Как показывает опыт, референдумная практика (в том числе и по учреждению новых конституций) используется с целью подтверждения своей власти при умышленном дистанцировании от политических партий и общественных организаций, независимых средств массовой информации и других институтов, присущих гражданскому обществу. Режим плебисцитарной демократии неизбежно ведёт к дестабилизации парламентаризма и сложившихся

форм правового государства, поскольку предоставляет массам, не обладающим политической культурой и твёрдой гражданской позицией, реальные возможности в принятии судьбоносных для страны решений. Именно отсюда произрастает, как полагает А.Н. Медушевский [4, с. 305], концепция рационализированного парламентаризма и сильной президентской власти, что знаменует переход к «демократическому цезаризму», т.е. авторитарно-патерналистской модели управления. По Ф.-А. фон Хайеку [6, с. 419], это не что иное, как «извращение демократических идеалов».

Теперь несколько слов о предшественнике современной плебисцитарной демократии – бонапартизме. Его следует рассматривать «как специфическую разновидность авторитаризма» [4, с. 498] Нового и Новейшего времени, возникшую на основе синтеза двух основных принципов революции: народного суверенитета (всеобщее избирательное право) и представительства (выражающегося в делегировании всех властных полномочий одному лицу). Так возник феномен двойной легитимности: народной, проистекающей из демократического принципа, провозглашённого революцией; и династической, имеющей тенденцию к обоснованию при помощи священного права. Бонапартизм в классической форме неоднократно реализовывался во Франции, а методы его утверждения у власти и элементы идеологии использовались многими авторитарными режимами.

В новейшее время влияние данной модели сказалось более всего на политической философии и практике голлизма с его концепцией «республиканской монархии». При таком правлении с использованием новых средств массовой информации избиратели идентифицируют себя не столько с политическими силами, сколько с конкретными персонами харизматического характера: «имидж кандидата становится целостным выражением политической программы, а электоральное поведение [...] во многом определяется психологической идентификацией с этим

имиджем» [4, с. 499]. Всё это оборачивается, как правило, тенденцией к реконституционализации и установлением имитационных форм демократии. За исключением прибалтийских государств, все бывшие советские республики прошли через такую фазу конституционного цикла.

Доктрину демократического цезаризма (ещё в дореволюционный период её критиковали Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, М.М. Ковалевский, С.А. Котляревский) считает губительной Б.С. Эбзеев: «Нельзя преуменьшать опасность для народовластия политического и социального популизма. [...] это вызывает известное недоверие к самому принципу народного суверенитета, сопровождаемое при этом нагнетанием недоверия к парламенту и самой идее парламентаризма» [7, с. 23]. Излишне говорить, что принятая в условиях цезаризма через референдум конституция не рассматривается для самой власти неким самоограничителем, ведь всегда можно сослаться на эфемерную «волю народа». Но расплата за такие псевдоюридические штучки неизбежна. Одним из главных симптомов угрожающего состояния «является массовая утрата доверия к праву – не только со стороны его потребителей, но и со стороны законодателей и «распространителей» права» – резюмирует Гарольд Дж. Берман [8, с. 13]. Почему так происходит?

Характерной чертой плебисцитарных демократий является использование референдума как самостоятельного способа принятия конституции без участия в её разработке представительных органов (конвентов, учредительных собраний, парламентов). Сюда следует отнести конституции Франции 1958 г., России 1993 г., Казахстана 1995 г., Беларуси 1996 года. По наблюдениям Ю.А. Юдина и В.Е. Чиркина [9, с. 78], в развивающихся странах до конца 80-х гг. XX в. референдум широко использовался как самостоятельный способ принятия конституции, проект которой обычно разрабатывался военным или революционным советом (Алжир, Бенин, Мадагаскар, Эфиопия). Так, за 1989–2000 гг. на референдумах были приняты

конституции более чем в 20 странах Африки, но во всех случаях народное голосование являлось лишь окончательной стадией процесса разработки и принятия конституций. Понятно, что ни о каком «торжестве демократии» здесь речь не идёт, все результаты референдумов были легко прогнозируемы. Не случайно, констатирует Х.Г. фон Кроков [10, с. 451], за редким исключением для западных демократий плебисциты и референдумы повсеместно имеют маргинальное значение и проводятся в самом крайнем случае.

Должное внимание практике проведения референдумов уделяет Совет Европы. Например, Парламентская Ассамблея Совета Европы в своей Рекомендации №1704 (2005 г.) «Референдумы: на пути к выработке передовой практики в Европе», рекомендуя широко и часто «использовать референдумы, как средство укрепления демократической легитимности политических решений, усиления подотчетности представительных органов, повышения открытости и транспарентности процессов принятия решений и поощрения непосредственного участия электората в политическом процессе», в то же время отмечает, что «взаимодополняемость прямой и представительной формы демократии означает, что референдумы не должны рассматриваться в качестве альтернативы парламентской демократии и что ими не следует злоупотреблять для подрыва легитимности и примата парламентов как законодательных органов». Следует иметь в виду, что речь идёт о рекомендации и в преломлении на Беларусь необходимо учитывать её несостоявшееся членство в Совете Европы.

В период существования СССР институт референдума впервые получил закрепление в Сталинской конституции. Согласно ст. 49 Президиум Верховного Совета СССР «производит всенародный опрос (референдум) по своей инициативе или по требованию одной из союзных республик». О практике проведения референдумов не могло быть и речи, поскольку чаяния народа выражала Компартия во главе со Сталиным. Но акцентируем внимание

на ином: как видно из формулировки, референдум отождествлялся со всенародным опросом, что не может оцениваться однозначно.

Действительно, исторически референдумы возникли как форма обращения власти к народу с просьбой высказаться, сообщить своё мнение по возникшей проблеме. Это, как подчёркивает С.А. Авакьян [11, с. 370], был именно «опрос», результаты которого имели для власти консультативное значение, оформлялись её актом. Как правило, власть следовала результатам опроса, но строго формально не была ими связана. Но всё-таки в эпоху Нового времени референдум постепенно признаётся императивной формой народовластия, т.е. его стали считать не просто высказыванием народа по определенному вопросу, а и принятием решения народом по данному вопросу. Подобная трактовка референдума сейчас является доминантной, и получается, что термин наполнен смыслом, не совпадающим с происхождением слова («то, что должно быть сообщено»).

Конечно, опрос народа можно считать самостоятельным институтом в смысле непосредственной демократии, но при референдуме голосование имеет окончательное значение, а при опросе – консультативное. Во втором случае на основании результатов голосования власть вправе сформулировать окончательное решение через принятие своего документа. При этом орган власти, получивший поддержку большинства участников голосования при опросе, свободен в выборе формулировок, хотя и не вправе исказить смысл, поскольку это выглядело бы как пренебрежение к результатам опроса. По процедуре проведения референдум и опрос народа мало чем различаются (разве что по кворуму, охвату населения), но по итоговому результату очевидна принципиальная разница. Сказанное имеет отношение к новейшей истории Беларуси, когда в 1996 г. одним из камней преткновения между противоборствующими силами стоял вопрос об обязательности итогов референдума, назначенного по инициативе президента.

Наряду с опросом населения как видом консультативного, а не императивного референдума, сюда можно отнести и иные институты непосредственной демократии: народные правотворческие инициативы; указы избирателей; коллективные обращения граждан по вопросам общественного знания (петиции); публичные слушания как форму диалога государственных органов с населением; публичное обсуждение проектов правовых актов. По нашему мнению, все перечисленные формы могут (и должны) иметь место при решении такого важнейшего вопроса, как разработка и принятие конституции, способствовать реализации идеи народовластия.

Но не было её как по Сталинской, так и последующим советским конституциям, хотя институт референдума предусматривался Конституцией СССР 1977 г. и Конституцией БССР 1978 года. Референдум уже не приравнивался к опросу, но в императивном качестве он ни разу не проводился. Первый и последний референдум советской эпохи бы проведён 17 марта 1991 г. по вопросу о сохранении СССР (справедливости ради отметим, что из 15 союзных республик он проводился в девяти). Решение этого референдума не имело никаких политических последствий.

В Республике Беларусь было проведено 3 референдума: 14 мая 1995 г., 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. (два последних касались изменений и дополнений к конституции). Можно вспомнить и тот факт, что зимой 1991-1992 гг. Белорусский Народный Фронт выступил с инициативой проведения общенационального референдума о досрочных парламентских выборах осенью 1992 года. В поддержку референдума было собрано 442 тыс. подписей. Тем не менее, 1 октября 1992 г. Верховный Совет при поддержке Председателя Парламента С. Шушкевича предложение о референдуме отклонил без серьезных на то оснований, хотя необходимое количество голосов было собрано.

В Конституции Беларуси референдум посвящена Глава 2 Раздела III, а детальная регламентация всех материальных, процессуальных и организационных вопро-

сов нашла отражение в Избирательном кодексе Республики Беларусь. Разделы I, II, IV, VIII конституции могут быть изменены только путем референдума. Все проведённые в Беларуси референдумы были инициированы и назначены президентом по собственной инициативе. Для граждан такая инициатива настолько усложнена, что на практике абсолютно нереализуема. Что уж говорить о конституции, если за всю историю Беларуси так и осталось «мертвым» право граждан по законодательной инициативе, хотя наряду с Основным Законом (ч. 1 ст. 99 Конституции Беларуси) с 2003 г. существует специальное законодательство (закон «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» [12]). Ни разу в Беларуси не проводились местные референдумы, хотя гражданские инициативы были. Референдум, посредством которого решается вопрос о принятии или изменении основного закона, называется конституционным. В подавляющем большинстве случаев он носит обязательный и императивный характер. Порядок инициирования и назначения референдума ввиду особой важности вопроса обычно прописан в самой конституции. Предмет референдума может быть определён как в самом тексте основного закона (Дания, Италия, Испания, Швейцария), так и уточнён (по концепции ограниченного подхода) в специальном законодательстве (Беларусь). Решению конституционного референдума придаётся высшая юридическая сила (по крайней мере – среди актов национального законодательства). Конституции, принятые или утверждённые референдумом, согласно их собственному тексту нередко могут подлежать частичному пересмотру парламентским путём без обращения к избирателям. Такой порядок предусматривается Разделом VIII Основного Закона Беларуси.

Попробуем теперь всесторонне определить социальную ценность референдума, выявить его преимущества и недостатки как способа принятия конституции. Очень важно ответить на вопрос, является ли такой порядок принятия (изменения) кон-

ституций наиболее демократичным и чем это можно аргументировать. Начнём с характеристик, описывающих конституционный референдум как безусловно демократичный институт. Следует учитывать, что проблема использования референдума при конституционных реформах порой становится предметом не столько научного, сколь идеологического спора. В любом государстве вокруг таких акций поднимается волна политических страстей, и хорошо, если обходится без кровопролития.

Достоинством референдума с политической и конституционно – правовой точек зрения принято считать, прежде всего, то, что данный институт есть высшим непосредственным (прямым) выражением воли народа, так сказать народовластие в чистом виде.

Проведение конституционного референдума – явление особой общественной и государственной важности, поскольку речь идёт о принятии правового акта, определяющего весь спектр государственно-политических и социально-экономических отношений в стране.

Масштаб такого мероприятия очевиден. Здесь и предельный охват избирательного корпуса, и, как показывает опыт, достигается высокая явка электората (сам автор, к слову, является принципиальным и последовательным противником всеобщего избирательного права).

Интересный момент отмечает С.А. Авакьян: «Политико-организационное содержание кампании – сочетание тщательной подготовки и разнообразных агитационно-разъяснительных мероприятий – может дать действительно коллективное и сознательное участие в осуществлении власти большинства взрослого населения» [11, с. 380]. Об издержках поговорим ниже.

Ввиду того, что решениям референдумов придаётся обязательный и императивный характер, правовые последствия их проведения очень значимы, поскольку речь идёт о принятии акта высшей юридической силы. Среди множества способов принятия конституции этот имеет приоритетное значение.

Каких-то иных весомых аргументов в

пользу референдумов, связанных с принятием (изменением) конституции, нами не выявлено. В то же время обнаруживается ряд очевидных изъянов, сопутствующих мероприятиям такого рода. Некоторые ситуации также невозможно трактовать однозначно. Например, одно дело, когда референдум проводится для утверждения конституции, гласно и тщательно разработанной парламентом либо учредительным собранием. Такое «освящение» основного закона через референдум (особенно если в процессе разработки конституции был активно вовлечен избирательный корпус) можно только приветствовать

Другое дело, когда на референдум выставляется документ, непонятно кем и когда созданный. Ясно, что в данном случае воля народа – чистейшая фикция, избиратели используются лишь в качестве легитимационного средства. Такой способ принятия конституции абсолютно неприемлем и к демократической процедуре не имеет никакого отношения. Прав немецкий государствовед Г.-П. Шнайдер: «...проблематичным представляется конституционный документ, который разрабатывается обладателями государственной власти без участия граждан, а народу представляется лишь для принятия. Здесь решение народа легко перерождается в пустое одобрение, в котором учреждающая конституцию «власть народа» искажается до неузнаваемости» [13, с. 305].

Во втором случае проблема заключается вовсе не в принятии конституции. Если некто (президент, монарх, правительство) настаивает на народном голосовании проекта конституции в обход парламента и иных представительных учреждений, то, скорее всего, под видом конституционного референдума будет проведён политический плебисцит о доверии власти, которая получает своеобразный карт-бланш для последующей расправы со своими оппонентами. Примеров в истории – несть числа. При этом «делается безошибочная ставка на то, что многим людям приятно: власть не просто обратилась к ним за советом, а отдала принятие решения. Собственно, в этом и есть «идеология» рефе-

рендума...» [11, с. 381]. Правда, не только власть, но и оппозиция через инициирование и проведение референдума может надеяться найти поддержку у народа (события в Беларуси зимы 1991-1992 гг.).

Политическая, а не правовая подоплёка превалирует в кампаниях такого свойства. Например, А.Н. Медушевский [4, с. 271] пишет о том, что вынесение конституционных проектов на народные референдумы диктовалось не столько логикой конституционного процесса, сколько расстановкой политических сил, преследующих свои цели, главной из которых является

удержание власти. В одних случаях это вело к попыткам немедленного принятия новой конституции, в других – к сознательному оттягиванию этого акта, в третьих – к отказу от самой идеи принятия новой конституции. Поэтому в большинстве случаев новые конституции имели ограниченный объем легитимности, оспаривались значительной частью политических сил и воспринимались населением скорее как инструмент в борьбе за власть, нежели как закрепление национального выбора. Особенно это характерно для постсоциалистических стран и бывших республик СССР.

Литература

1. Словарь иностранных слов ; под ред. И. Лехин, Ф. Петрова. – Государственное Издательство Иностранных Национальных Словарей, 1949. – 808 с.
2. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учеб. [для юридич. вузов] : в 2 томах. / [Андреева Г. Н., Андреев И. А., Будагова А. Ш. и др.] ; под ред. Б. А. Страшуна. – М. : БЕК, 1996. Тома 1-2. – 778 с.
3. Конституционное право. Учеб. пособие для юридич. вузов. Хрестоматия / [Блюнчли И. К., Гачек Ю., Гессен В. М. и др.] ; под ред. Н. А. Богдановой. – М. : Юридический колледж МГУ, 1994. – 284 с.
4. Медушевский А. Н. Теория конституционных циклов / А. Н. Медушевский. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574 с.
5. Эбзеев Б. С. Введение в Конституцию России : монография / Б. С. Эбзеев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 560 с.
6. Хайек Ф.-А. фон. Право, законодательство и свобода : Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
7. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации / Б. С. Эбзеев. – М. : Юридическая литература, 2005. – 576 с.
8. Берман Г. Дж. Вера и закон : примирение права и религии / Г. Дж. Берман ; пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика под ред. Н. Малыхиной. – М. : Библиотека Московской школы политических исследований, 1999. – 432 с.
9. Сравнительное конституционное право : Учебное пособие ; отв. ред. В. Е. Чиркин. – М. : Междунар. отношения, 2002. – 448 с.
10. Паліталёгія. Асноўны курс. – Мінск : Выдавецтва «Энцыклапедыкс», 2002. – 680 с.
11. Авакьян С. А. Конституционное право России : Учебный курс. – В 2 т. Т. 1 – М. : Юристъ, 2005. – 719 с.
12. Закон Республики Беларусь «О порядке реализации права законодательной инициативы гражданами Республики Беларусь» от 26 ноября 2003 г. № 248-3 // Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2014. – Режим доступа : <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=H10300248> – Дата доступа : 20.06.2014.
13. Государственное право Германии. Том 2 : Сокращен. пер. с немецкого семитомного изд. / Г. Арним, Р. Бартльшпергер, Г. Бетге и др. ; Пер. с нем. С. А. Реутовой и др. ; Редкол. : Б. Н. Топорнин (Отв. ред.) и др. ; РАН. Ин-т государства и права. – 1994. – 320 с.